

на степень закона, всецѣло подчиняющаго себѣ человека и не позволяющаго ему вносить въ историческое движеніе ничто свое.

Въ самомъ дѣлѣ, вся историческая философія «Войны и мира» сводится къ отрицанію роли личности и личной инициативы въ исторіи: исторія для гр. Толстого есть массовое движеніе, совершающееся роковымъ образомъ, причѣмъ великіе люди являются только «ярлыками событій», т.-е. не имѣютъ никакого самостоятельнаго значенія, или слѣпыми орудіями рока, т.-е. разсматриваются, какъ лишенные собственной воли, хотя бы и имѣющей достаточныя основанія въ личныхъ отношеніяхъ. Въ дальнѣйшемъ мы будемъ не столько доказывать неосновательность такого взгляда, сколько доискиваться основной причины его образованія.

IV. Личность, свобода воли и „историческіе законы“.

На историческую теорію гр. Толстого, приведенную къ двумъ положеніямъ, на которыя мы указали, можно смотрѣть, какъ на реакцію противъ взглядовъ, черезчуръ выдвигавшихъ впередъ отдѣльное лицо на счетъ яко-бы только пассивной массы и придававшихъ слишкомъ большое значеніе личной инициативѣ въ сравненіи съ условіями, сообщающими общему ходу исторіи извѣстное направленіе. Но въ своей полемикѣ съ историками, которымъ всеѣмъ вообще гр. Толстой приписываетъ оспариваемыя имъ возрѣнія, онъ зашелъ слишкомъ далеко, совершенно унизивъ историческую личность и ея инициативу, приписавъ все «роевой» силѣ массы и стихійному ходу исторіи, возведенному въ законъ. Дѣло, однако, не объясняется однимъ полемическимъ увлече-